

Глава 8

— Чэн Янь! Что ты творишь с цзюньваном?!

— Господин Дай! Господин Дай! Вам нельзя входить!

Крики снаружи становились всё яростнее, и в следующее мгновение ширма с грохотом отлетела в сторону, грубо отодвинутая чьей-то рукой.

Чэн Янь как раз извлёк последнюю иглу и теперь прокаливал её над пламенем свечи. Краем глаза он заметил ворвавшегося в комнату Дай Чигуаня.

— Вон! — бросил он коротко и ледяным тоном.

Дай Чигуань, завидев в его пальцах тонкую иглу, в ужасе замер, и зрачки его сузились.

— Что это у тебя в руках? — выдохнул он, не веря своим глазам. — Ты... ты истязает цзюньвана?!

Дзынь!

Чэн Янь с сухим звоном бросил иглу на поднос.

Чу Ван, почувствовав, что голова больше не утыкана иголками и можно двигаться свободнее, с любопытством обернулся. Высунувшись из бадьи почти по пояс, он удивлённо воскликнул:

— Чигуань?

Дай Чигуань поднял взгляд и онемел. Чу Ван непринуждённо оперся локтями о край ванны, и вид его обнажённых, ослепительно белых рук на мгновение лишил гостя дара речи. Розовые от пара щёки юноши, его влажные, разметавшиеся по плечам волосы — всё это заставило Дай Чигуаня застыть перед ширмой, не смея сделать и шага.

— Цзюньван, я...

Чэн Янь холодно усмехнулся и шагнул вперёд, заслоня Чу Вана собой.

— Насмотрелся?

Дай Чигуань опомнился, но в его взгляде, прикованном к лекарю, читалось лишь крайнее

негодование:

— Его высочество принимает ванну! Что ты здесь делаешь?!

Скрестив руки на груди, Чэн Янь с нескрываемым презрением посмотрел на него сверху вниз:

— А тебе-то какое дело?

Дай Чигуань яростно заскрежетал зубами.

— Цзюньван слишком простодушен, но не надейся... не смей даже думать, что сможешь помыкать им! Я... я доложу обо всём императору!

Чу Ван, спрятанный за широкой спиной Чэн Яня, всё же ухитрился высунуть голову и с искренним недоумением спросил:

— Чигуань, а как ты сюда попал?

Тот тут же сменил тон на подбострастный:

— Ваше высочество, я давно не видел вас и... крайне обеспоен. Я боялся, что некий подлый интриган введёт вас в заблуждение.

Произнося «подлый интриган», он едва ли не выплёвывал слова, вкладывая в них всю свою ненависть.

— Вот оно что... — Чу Ван склонил голову набок. — Но мне сейчас не очень удобно тебя принимать. Приходи как-нибудь в другой раз, тогда и поговорим.

Лицо Дай Чигуаня окаменело.

Пусть Чу Ван и слыл дурачком, но основы этикета мать вбивала в него с самого детства — она до смерти боялась, что сын опозорится перед двором. А потому юноша твёрдо знал: принимать посторонних во время водных процедур непозволительно.

Дай Чигуань вскинул руку, указывая на Чэн Яня:

— А он?!

Чу Ван проследил за его жестом и, кротко улыбнувшись, проворковал:

— Так ведь Чэн Янь — не посторонний.

Смысл этих слов был яснее ясного.

Лекарь обернулся к цзюньвану и, не боясь пропахнуть горькими травами, ласково взъерошил его влажные волосы:

— Сядь обратно в воду, я сейчас принесу горячей. Не хватай простуду.

Чу Ван послушно кивнул:

— Хорошо. Только ты больше не убегай, ладно?

— Ладно, — Чэн Янь не удержался от улыбки, ответив ему самым мягким голосом, на какой был способен.

Лишь после этого он вновь повернулся к Дай Чигуаню, чьё лицо теперь представляло собой причудливую смесь из ярости и растерянности.

— Господин Дай, вы всё еще здесь?

В глазах гостя лекарь сейчас выглядел воплощением наглости и низости.

Однако, раз уж сам цзюньван заговорил о приличиях, гость не мог больше оставаться в купальне. Он гневно фыркнул и, круто развернувшись, направился к выходу, но у самого порога не удержался от ядовитой шпильки:

— Подумаешь, всего лишь игрушка... Таскаешь цзюньвану воду для мытья, а гонору-то сколько!

Чэн Янь даже не удостоил его ответом. Когда Дай Чигуань и слуги наконец покинули покои, лекарь заложил дверной засов и, убедившись, что им больше не помешают, вернулся к своим делам... А именно — отправился таскать воду.

Дубовая бадья была неподъёмной; даже крепким слугам требовалось двое, чтобы сдвинуть её с места. Чэн Янь и не помышлял о подобных подвигах — он заранее приготовил вёдра, наполнил их дымящимся отваром и принялся одно за другим заносить в комнату.

Чу Ван, положив подбородок на край ванны, преданно следил за каждым его движением, и в глазах юноши читалось искреннее сочувствие:

— Чэн Янь... может, я помогу?

— ...Нет. Не нужно.

«Позорище, — Чэн Янь стиснул зубы. — Завтра же удвою нагрузку на тренировках»

Лишь спустя несколько заходов ему удалось наполнить вторую ванну, заранее приготовленную в покоех. Проверив температуру воды, он подозвал юношу:

— Перебирайся сюда.

Чу Ван видел, как тяжело далась лекарю эта работа, и не стал скрывать своей нежности:

— То, что Чигуань наговорил... Ты не слушай его. Он злой.

Чэн Янь на мгновение замер, пытаясь вспомнить, что именно сказал Дай Чигуань. Он и значения-то не придавал тем словам — на улицах о нём болтали вещи и похлеще, просто до ушей Чу Вана они не доходили. Качнув головой, мужчина ответил:

— Мне всё равно.

Чу Ван, однако, не унимался:

— Я его не звал сегодня. Я не знаю, почему он пришёл.

— Знаю, знаю, — кивнул Чэн Янь. — Ты о нём и думать забыл. Давай, вылезай скорее, вода в этой бадье уже остыла, простудишься.

Чу Ван неловко выбрался из воды, нащупывая ногами подставку.

Он стоял посреди комнаты — мокрый, с кожей нежно-розового цвета. Капли, стекавшие с его тела, были угольно-чёрными, словно он окунулся в чернильницу. Этот контраст между грязной водой и ослепительной белизной кожи создавал странное, почти мистическое впечатление. Если не считать резкого запаха целебных трав, вид юноши с разметавшимися по плечам влажными волосами вполне мог бы послужить сюжетом для картины «Прекрасный принц после купания».

Чэн Янь бросил на него лишь мимолётный взгляд, но в голове его вихрем пронеслись сотни образов. Поспешно отведя глаза, он потянулся за полотенцем.

И тут Чу Ван шагнул вперёд и крепко обхватил его за талию.

— Ты что творишь?! — Чэн Янь вздрогнул от неожиданности. Он хотел было высвободиться, но

стоило его ладоням коснуться нежной, влажной кожи юноши, как его словно ударило током. Он резко отдернул руки.

— Живо в ванну! — приказал он осевшим голосом.

Чу Ван, прижимаясь к его спине, прошептал своим мягким, певучим голосом:

— Я сегодня увидел Чигуаня и понял... он мне больше совсем-совсем не нравится. Чэн Янь, ты мне так дорог. Даже если лекарства горькие, а иглы — это больно, я всё равно хочу на тебе жениться.

В его словах не было и тени кокетства — он просто не умел соблазнять или играть чувствами. Но голос его, пропитанный тёплым паром и влагой, звучал так нежно и обезоруживающе, а объятия были такими искренними, что у Чэн Яня перехватило дыхание.

Лекарь опустил взгляд на маленькие, пухлые ладони, сцепленные у него на животе. Пальцы юноши были чистыми, аккуратно подстриженными и казались трогательно розовыми. Было видно, что его лелеяли и берегли.

Спустя долгую паузу Чэн Янь наконец заговорил:

— С завтрашнего дня я начну учить тебя арифметике. Когда закончишь курс, будет экзамен. Если сдашь на высший балл — тогда и вернёмся к этому разговору. Если желание не пропадёт, я подумаю.

— Эк-экзамен... — голос Чу Вана дрогнул, в нём слышались слёзы. Его руки, обнимавшие Чэн Яня, мелко задрожали и начали медленно сползать. — Говорят, это... ужасно...

Этих страшилок он наслушался от самого лекаря ещё в те времена, когда тот был духом в подвеске.

— Именно так, — подтвердил Чэн Янь, уже обретая привычное самообладание. Он осторожно разжал руки юноши и развернулся к нему. — В книгах ведь как пишут? Чтобы влюблённые были вместе, им нужно преодолеть тысячи преград. Разве бывает так, чтобы счастье давалось сразу?

Чу Ван, сбитый с толку, на мгновение задумался:

— Вроде... вроде и правда не бывает...

«Неужели быть с любимым человеком так сложно?!»

Губы Чэн Яня тронула лукавая улыбка. Глядя на это растерянное лицо, он не удержался и легонько щёлкнул юношу по носу.

— Вот именно, маленький цзюньван. Так что старайся. Чтобы быть со мной, тебе придётся горы свернуть.

Он набросил на него большое полотенце, укутывая с головой, и мягко подтолкнул ко второй ванне:

— А теперь давай закончим с процедурами, а о женитьбе подумаем позже, хорошо?

Сбитому с толку цзюньвану оставалось только послушно кивнуть.

На следующий день Чэн Янь и впрямь примерил на себя роль строгого учителя арифметики. Он начал с азов — сложения и вычитания в пределах двух знаков.

— Это слишком сложно! У меня пальцев не хватает! — Чу Ван был на грани отчаяния.

Старший брат-император всё наврал! Оказывается, нельзя просто взять и жениться на том, кто тебе нравится. Оказывается, перед свадьбой все сдают экзамены! В этом его заверили и все слуги в поместье...

Чэн Янь, который заранее провёл соответствующую «разъяснительную работу» с персоналом, ничуть не мучился совестью. С ангельским терпением он повторял:

— Снова запутался в переносе разряда? Ничего страшного, давай ещё раз...

С этими словами он снял со стены исписанный лист бумаги и заменил его чистым.

Пусть учебные пособия были скудными, но для того, кто жаждет знаний, преград не существует! Чэн Янь не решился вводить арабские цифры в эту эпоху, но простые иероглифы для счёта Чу Ван уже знал, так что занятия продвигались.

После урока лекарь вручил ему целый лист с упражнениями для устного счёта и многозначительно спросил:

— Ты ведь всё ещё хочешь жениться?

Чу Ван, который до этого уныло лежал на столе, мгновенно выпрямил спину и с утроенным рвением вгрызся в гранит науки.

Пока цзюньван мучился над задачками, Чэн Янь решил устроить в поместье генеральную чистку.

Главным управляющим здесь был старый евнух по фамилии Ян, который перешёл в поместье из дворца вместе с Чу Ваном. Он когда-то служил матери князя и был предан хозяину до мозга костей. А вот остальной персонал оставлял желать лучшего. Лао Ян уже не справлялся с делами в силу возраста, а хозяин-дурачок не мог уследить за порядком — неудивительно, что в доме завелись сомнительные личности.

Первым делом Чэн Янь вычислил тех, кто пропустил Дай Чигуаня в тот день. Он отобрал их купчие и без лишних слов перепродал торговцам людьми.

Теперь даже старый управляющий смотрел на него с нескрываемым опасением. В его глазах так и читалось: «Лис, прикрывающийся мощью тигра! Истинный деспот!»

Чэн Янь лишь потирал переносицу — он не собирался объяснять, что вовсе не мстит соперникам, а просто выметает из дома чужие глаза и уши.

Следом он извлёк из своей памяти несколько эффективных систем управления и обучил им управляющего. Кроме того, он потребовал провести полную инвентаризацию имущества поместья. Последний раз записи сверяли ещё при постройке дома, и за эти годы в списках явно накопились расхождения.

Советы Чэн Яня были краткими, но били точно в цель. Лао Ян быстро сменил гнев на милость, а когда лекарь заявил, что даже личное имущество слуг в их комнатах подлежит учёту, старик поддержал его без колебаний.

— Верно! Они — рабы, их жизни и купчие в руках хозяина, с какой стати им прятать тайные зачатки?

Чэн Янь покосился на него.

«Ага, я-то знаю, что твоя купчая у тебя в кармане»

Спорить с местными порядками он не стал, лишь уточнил:

— Учёт нужен не для того, чтобы всё отобрать. Но если у слуги обнаружится сумма, которую он не мог скопить с жалованья, ему придётся объясниться. То же касается и любых ценных вещей неясного происхождения.

В эту эпоху слуги не имели прав, и известие о том, что их честные накопления не тронут, заставило многих вздохнуть с облегчением.

Впрочем, лекарь всё же выявил нескольких умельцев, у которых в сундуках нашлись сотни серебряных монет. Не слушая мольбы о пощаде, он обвинил их в краже у господина и отправил прямиком в тюрьму. Логика была проста: такие деньги не берутся из ниоткуда — скорее всего, это плата за шпионаж. Чэн Янь не собирался тратить время на допросы и просто сдал их властям.

Тех же, кто копил деньги годами, откладывая по медяку, он не трогал. Даже охранник-игрок, которому в последнее время сказочно везло, остался при своих — он рисковал лишь своим жалованьем, и Чэн Яню до этого не было дела.

Чтобы исключить сговор, проверку проводили по группам, строго запретив слугам общаться между собой. Всё закончили за один день, и улов оказался богатым.

Самой неожиданной находкой стал кусок нефрита, обнаруженный в комнате Цан'эра, личного слуги Чу Вана.

Увидев этот правильный, аккуратный квадрат камня, юноша побледнел как полотно и рухнул на колени.

— Это не моё! — закричал он в ужасе. — Я понятия не имею, как оно там оказалось! Лекарь Чэн, молю, разберитесь!

Лао Ян, стоявший рядом, тоже заглянул в руки Чэн Яня, и лицо его мгновенно перекопилось. Повидавший виды евнух задрожал всем телом, а его губы затряслись:

— Это... это же...

Пусть это была лишь заготовка, но форма и едва намеченная резьба не оставляли сомнений: перед ними была копия императорской печати. Прямая дорога на плаху за измену.

Мужчина сжал нефрит в кулаке. Совершенно спокойным, будничным тоном он произнёс:

— Все свободны. Можете идти.

Кроме трясущегося Цан'эра и управляющего, никто из слуг не понял, что произошло. В гробовом молчании они покинули комнату.

Когда дверь закрылась, Цан'эр зашёлся в рыданиях, припадая к ногам Чэн Яня:

— Лекарь Чэн! Лекарь Чэн, не выгоняйте меня! Это не моё! Клянусь, не моё!

Лао Ян выглядел не лучше, но, заметив невозмутимость лекаря, невольно проникся к нему уважением. И всё же он не удержался от вопроса:

— Лекарь Чэн... вы ведь понимаете... что это за камень?

Чэн Янь коротко рассмеялся. Он легко подбросил в воздух прямоугольный нефрит и поймал его уверенным движением.

— Лао Ян, о чём ты? Это просто камень. Цан'эр просто нашёл красивый булыжник и решил вырезать на нём узоры ради забавы.

Тон мужчины был настолько лёгким, что слуга даже не сразу сообразил, к чему он клонит. А вот старый управляющий схватывал на лету:

— Чепуха! Это же чистой воды... — Тут он осекся, поняв замысел лекаря, и закивал как заведённый: — Да-да, верно. Просто камень. — Он сурово прикрикнул на замершего Цан'эра: — Чтобы я больше не видел в твоей комнате подобного мусора! Это ты его стащил, пока князь не видел, и сам решил попрактиковаться в резьбе, верно?!

До юноши наконец дошло.

— Да-да! Это я... то есть... нет... я и сам не знаю, откуда он взялся! — Слуга был готов разрыдаться от облегчения. — Лекарь Чэн, что же нам с ним делать?

Чэн Янь задумчиво вертел в руках камень. Резьба была грубой, но само наличие такой вещи в доме князя могло послужить поводом для обвинения в заговоре.

Он вспомнил путь Дай Чигуаня через поместье в тот день — дорога к купальням как раз проходила мимо жилых комнат слуг. Была ли это его работа или постарался другой шпион — теперь не имело значения.

— Цан'эр, раз уж тебе так нравится резьба, — холодно произнёс лекарь, — даю тебе два дня. Сотри этот камень в порошок.

Слуга вжал голову в плечи:

— Я... я боюсь...

Чэн Янь тонко улыбнулся:

— А на плаху идти не боишься?

Услышав в его голосе неприкрытую угрозу, Цан'эр задрожал так, что ноги перестали его слушать. Он снова забился в поклонах:

— Всё сделаю! Сию же минуту начну тереть!

Избавившись от опасной улики, Чэн Янь удовлетворённо отряхнул ладони.

«Ох, дел невпроворот. Маленький цзюньван, должно быть, уже закончил домашнее задание — пора идти проверять»

<http://bllate.org/book/15870/1436936>